Адвокату объявлено замечание за включение им в письменное обращение, направленное в электронную приемную ФССП России, слов и выражений, умаляющих честь и достоинство сотрудников регионального УФССП

Адвокату объявлено замечание за включение им в письменное обращение, направленное в электронную приемную ФССП России, слов и выражений, умаляющих честь и достоинство сотрудников регионального УФССП.

Совет Адвокатской палаты города Москвы …, рассмотрев с участием адвоката П. и представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. в закрытом заседании 30 апреля 2019 года дисциплинарное производство в отношении адвоката П., возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 24 января 2019 года № …, основанному на обращении начальника Подольского районного отдела судебных приставов Управления федеральной службы судебных приставов по Московской области Н. (вх. № … от 04.02.2019),

установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 10 апреля 2019 года адвокат П. допустил нарушение положений п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии») и п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан… придерживаться манеры поведения… соответствующих деловому общению»), выразившееся во включении им в письменное обращение от 27 ноября 2018 года, направленное в электронную приемную ФССП России, следующих слов и выражений, умаляющих честь и достоинство сотрудников Подольского районного отдела судебных приставов УФССП по Московской области:

(1) «на проходной указанного отдела находился олигофрен (в стадии дебильности) в форменной одежде ФССП со знаками различия, напоминающими знаки различия старшего лейтенанта…»;

(2) «я разъяснил указанному олигофрену, что направляюсь на прием к судебному приставу Ф., и предъявил удостоверение адвоката № …, выданное 15.10.2015 ГУ Минюста России по Москве на мое имя»;

(3) «на разъяснения олигофрен реагировал неадекватно …»;

(4) «поняв, что разговаривать с олигофреном бессмысленно, т.к. русского языка он не понимает и законодательства не знает, я со своего мобильного телефона позвонил непосредственно приставу Ф… ..»;

(5) «в то же время, очевидно, что вышеизложенную ересь олигофрен выдумал не сам, а его научил какой-то имбецил»;

(6) «прошу дать правовую оценку действиям олигофрена, сидевшего на проходной и слишком много умничавшего…».

Адвокат П. в заседании Совета с выводами Квалификационной комиссии не согласился, не отрицая установленных фактических обстоятельств. Представил письменные возражения, в которых со ссылкой на известную ему практику Европейского Суда по правам человека утверждал, что его высказывания, указанные выше, не нарушают требований законодательства и профессиональной этики адвоката. На вопросы членов Совета, в том числе, о том, какую профессиональную цель он преследовал, употребляя в адрес судебного пристава выражения «олигофрен» и иные, указанные выше, адвокат П. ответил, что действовал в интересах доверителя и общественного блага теми средствами, которые имелись у него в распоряжении, при этом судебного пристава не оскорблял.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. с Заключением Квалификационной комиссии согласилась.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката П. и представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е., в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлены следующие фактические обстоятельства.

27.11.2018 через официальный портал «Госуслуги» в УФССП России по Московской области на имя начальника Подольского районного отдела судебных приставов УФССП по Московской области поступило обращение адвоката П., содержащее следующие суждения: «на проходной указанного отдела находился олигофрен (в стадии дебильности) в форменной одежде ФССП со знаками различия, напоминающими знаки различия старшего лейтенанта», «я разъяснил указанному олигофрену, что направляюсь на прием к судебному приставу Ф., и предъявил удостоверение адвоката № …, выданное 15.10.2015 ГУ Минюста России по Москве на мое имя», «на разъяснения олигофрен реагировал неадекватно», «поняв, что разговаривать с олигофреном бессмысленно, т.е. русского языка он не понимает и законодательства не знает, я со своего мобильного телефона позвонил непосредственно приставу Ф.», «в то же время, очевидно, что вышеизложенную ересь олигофрен выдумал не сам, а его научил какой-то имбецил», «прошу дать правовую оценку действиям олигофрена, сидевшего на проходной и слишком много умничавшего».

При составлении и отправке указанного обращения адвокат П. позиционировал себя именно в этом качестве. В обращении содержится указание на номер удостоверения адвоката П., и адвокатского образования, в котором он состоит. Обращение подписано: «Адвокат АК № … МГКА П.». В обращении также указывается на то, что адвокат П. прибыл 27.11.2018 к судебному приставу-исполнителю Ф. для представления интересов доверителя, в отношении которого Ф. осуществляет исполнительное производство.

Направление адвокатом П. обращения на имя начальника Подольского районного отдела судебных приставов Управления федеральной службы судебных приставов по Московской области 27.11.2018 подтверждается доказательствами, содержащимися в дисциплинарном производстве и приведённых в Заключении Комиссии. Данный факт не отрицает и сам адвокат П.

Так, он пояснил, что, действуя в интересах доверителя, руководствуясь при этом п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, в целях урегулирования ситуации, связанной с возбужденным в отношении доверителя исполнительным производством, он 27 ноября 2018 года прибыл в административное здание Подольского районного отдела судебных приставов УФССП по Московской области, однако войти в него не смог ввиду того, что несшим службу на проходной гражданином, не пожелавшим представиться, в целях воспрепятствования законной деятельности адвоката П. по защите интересов доверителя, не был пропущен в указанное здание под предлогом отсутствия у него при себе паспорта, о чем подробно изложено в обращении, направленном адвокатом П. в УФССП по Московской области по каналам сети «Интернет».

На данное обращение адвокату П. 07 декабря 2018 года поступил ответ за исх. № … следующего содержания: «На основании ст. п. 3 ст. 11 Федерального закона от 02 мая 2006 года № 59-ФЗ (ред. от 27 ноября 2017 года) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» Ваше обращение оставлено без ответа по существу поставленных в нем вопросов».

Считает, что употреблённое им в обращении слово «олигофрен» не является нецензурным либо оскорбительным, а является оценочным суждением, отражающим его субъективное мнение, сложившееся после посещения Подольского районного отдела судебных приставов УФССП по Московской области. Оценочные суждения не подлежат проверке на истинность и ложность, находятся под защитой Конституции Российской Федерации, Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика Европейского Суда по правам человека идет по пути того, что публичные должностные лица должны со смирением встречать критику ввиду важности их общественного служения и того, что к ним предъявляются особые требования. У них нет права обижаться на граждан. Тем самым, его действия, в отношении которых против него выдвинуто дисциплинарное обвинение, не образуют состава дисциплинарного проступка, в том числе по его малозначительности.

Адвокат П. также полагает, что гражданский служащий – судебный пристав, которого он имел в виду в своём обращении, не лишен дееспособности и сам мог обратиться с жалобой, чего им не сделано и что свидетельствует об отсутствии у него претензий.

Совет соглашается с выводами Комиссии о том, что сами по себе употреблённые адвокатом П. слова «олигофрен», «имбецил» и «дебил» к обсценной лексике не относятся, поскольку олигофрения означает умственную отсталость, характеризующуюся недоразвитием психики и интеллекта, проявляющуюся в следующих видах: дебильность, имбецильность и идиотия. Вместе с тем, является очевидным, что употребление указанных слов и приведенных выше выражений в официальном письменном обращении адвоката, применительно к оценке действий (бездействия) должностных лиц – сотрудников ФССП России, является недопустимым, как несоответствующее деловой манере общения, поскольку обращение адвоката, содержащее приведенные высказывания, является уничижительным по отношению к лицам, чьи действия (бездействие) им фактически обжалуются в обращении.

Согласно ч. 1 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый человек имеет право свободно выражать свое мнение. Вместе с тем в ч. 2 ст. 10 Конвенции указано, что осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и

нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

При этом положения данной нормы должны толковаться в соответствии с правовой позицией Европейского Суда по правам человека, выраженной в его постановлениях.

Европейский Суд по правам человека неоднократно отмечал, что исходя из требований ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, защищающей не только содержание выраженных идей и информации, но также форму, в которую они облечены, при оценке корректности заявлений, сделанных адвокатом в судебном заседании в процессе исполнения профессиональных обязанностей, следует исходить из принципа пропорциональности и недопущения «замораживающего эффекта» по отношению к исполнению адвокатом своих обязанностей по делу и защите интересов доверителей в будущем (см. Постановление Европейского Суда по правам человека от 3 февраля 2011 года по делу «Игорь Кабанов (Igor Kabanov) против Российской Федерации» (жалоба № 8921/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 9); Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 декабря 2005 года по делу «Киприану (Kyprianou) против Кипра» (жалоба № 73797/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 7); Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 октября 2003 г. по делу «П.С. (P.S.) против Нидерландов» (жалоба № 39657/98) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2004. № 2).

Вместе с тем, поскольку адвокат П. формулировал свои доводы письменно, у него имелась возможность переиначить и облагородить фразы, содержащиеся в обращении, направленном в ФССП России, или вовсе опустить их до того, как употребленные им выражения станут достоянием публики (см., mutatis mutandis, постановление Европейского Суда по правам человека от 4 декабря 2003 года по делу «Гюндюз (Gunduz) против Турции» (Жалоба № 35071/97) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2004. № 4. С. 20-21).

Приведенные в обращении адвоката П. в ФССП России высказывания о слабоумии должностных лиц ФССП России не преследовали в качестве своей цели защиту интересов доверителя, являющегося должником в исполнительном производстве, поскольку каких-либо доводов о нарушении прав последнего в ходе исполнительного производства обращение не содержало, а были направлены исключительно на умаление чести и достоинства тех должностных лиц, которые своими действиями (бездействием) создали препятствия для прохода адвоката П. в здание Подольского районного отдела судебных приставов Управления федеральной службы судебных приставов по Московской области. Написание же данного обращения было продиктовано исключительно досадой адвоката П. на то, что

ему не удалось пройти в Отдел, поскольку у него при себе не имелось паспорта гражданина Российской Федерации.

Доводы адвоката П. о том, что обращение в Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве фактически поступило от начальника Подольского районного отдела судебных приставов УФССП по Московской области Н., который не является субъектом, правомочным приносить жалобу на адвокатов, равно как и о том, что сам судебный пристав не обратился с жалобой, Совет отклоняет как несостоятельные. В соответствии с подп. 3 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката одним из поводов для возбуждения дисциплинарного производства является представление, внесенное в адвокатскую палату органом государственной власти, уполномоченным в области адвокатуры, каковым является Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве.

При этом ни Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ни Кодекс профессиональной этики адвоката не содержат положений, ограничивающих полномочия указанного органа государственной власти на внесение представлений в зависимости от первоначального источника получения информации.

Совет также отклоняет как несостоятельный довод адвоката П., содержащийся в представленном им в Совет адвокатской палаты города Москвы «Объяснении» (без даты и номера), о том что «…квалификационная комиссия проигнорировала правовую позицию ЕСПЧ, изложенную в Постановлении от 25.06.1997 г. по делу «Обершлик (Oberschlick) против Австрии (№2)» (жалоба № 47/1996/666/852), тогда как обстоятельства данного дела полностью соответствуют обстоятельствам настоящего дисциплинарного производства.

Так, гражданин Австрии публично (в средстве массовой информации) поименовал австрийского государственного деятеля «ИДИОТОМ». Национальный суд первой инстанции признал заявителя виновным в преступлении, предусмотренном статьей 115 УК Австрийской Республики, а именно, в нанесении оскорбления, и назначил наказание в виде штрафа, указав, что слово "идиот" (Trottel) носило оскорбительный характер (Schimpfwort) и могло быть использовано только с дискредитирующим смыслом (Herabsetzung). Следовательно, данное слово никогда не может быть использовано при высказывании объективной критики (sachliche Kritik).

Национальный суд второй инстанции решение изменил в части снижения суммы штрафа, в остальной части оставил без изменения, указав, что данное слово (Trottel) послужило оскорблением, переступившим границы допустимой объективной критики (die Grenze sachlich zuldssiger Kritik), и г-н Обершлик должен был понимать это. По большому счету, он мог бы охарактеризовать высказывания г-на Хайдера как глупые (vertrottelt).

Европейский суд по правам человека постановил, что в данном случае имеет место нарушение статьи 10 Конвенции, и присудил заявителю денежную компенсацию, указав следующее:

- Суд вновь повторяет, что согласно п.2 Статьи 10 Конвенции свобода выражения мнения распространяется не только на "информацию" или "идеи", которые благосклонно принимаются или расцениваются как безобидные или нейтральные, но также и на те, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство.

…Что касается границ приемлемой критики, то они шире по отношению к политическому деятелю, действующему в качестве общественной фигуры, чем просто по отношению к частному лицу. Политический деятель неизбежно и сознательно выставляет свои действия и поведение под пристальный контроль как журналистов, так и общества, и поэтому должен проявлять большую степень терпимости, главным образом, когда он сам делает публичные заявления, которые могут подвергнуться критике. Политический деятель, безусловно, имеет право защищать свою репутацию даже вне рамок частной жизни, но требованиям такой защиты должны быть противопоставлены интересы свободного обсуждения политических вопросов, с учетом ограничений свободы слова, которые должны иметь узкую интерпретацию (см., в частности, решение Обершлик против Австрии (Oberschlick v. Austria) (№ 1) от 23 мая 1991 года, Series A № 204, стр. 25-26, §§ 57-59, и решение Верайнигунг демократишер Зольдатен Остеррайх и Губи против Австрии (Vereinigung demokratischer Soldaten Цsterreichs and Gubi v. Austria) от 19 декабря 1994 года, Series A № 302, стр. 17, § 37).

По мнению Суда статья заявителя и, в частности, слово "идиот" (Trottel), могут расцениваться как вполне спорные, тем не менее, они не являются личным и неуместным выпадом, поскольку автор дал объективно понятные разъяснения (здесь и далее в цитате фрагменты текста выделены адвокатом П. – примечание Совета), вытекающие из выступления г-на Хайдера, которое само по себе носило провокационный характер.

Следовательно, они были частью политической дискуссии, вызванной речью г-на Хайдера, и сводились к выражению определенного мнения, правдивость которого не требует доказательств.

Подобное мнение может быть, однако, чрезмерным, если не имеет под собой фактической основы.

Но в свете вышеизложенных размышлений это не так в настоящем деле (см. недавнее решение по делу "Де Хаес и Гийселс против Бельгии" (De Haes and Gijsels v. Belgium) от 24

февраля 1997 года, Reports of Judgments and Decisions 1997-I, стр. 236, § 47).

Конечно верно, что публичное обращение к политику "идиот" (Trottel) может оскорбить его. Однако в данном случае использование этого слова кажется вполне пропорциональным тому негодованию, которое осознанно было вызвано г-ном Хайдером.

Что касается спорного тона статьи, который Суд не одобряет, то следует напомнить, что Статья 10 предусматривает защиту не только содержания идей и информации, но и способа их передачи (см. среди других, приведенное выше решение Обершлик (Oberschlick) (№ 1), стр. 25, § 57).

Учитывая, что слова «ИДИОТ» и «ОЛИГОФРЕН» являются синонимами, полагаю, что выводы Европейского суда полностью применимы и к настоящему дисциплинарному производству.

Федеральным законом «О судебных приставах» на судебных приставов возложены задачи по обеспечению установленного порядка деятельности судов, осуществлению принудительного исполнения судебных актов, т.е. выполнение публично-значимых государственных функций.

Безымянный судебный пристав, начальника которого обидело слово «ОЛИГОФРЕН», исполняет публично-значимые государственные функции, что предполагает расширение по отношению к нему границ приемлемой критики, то есть они шире по отношению к деятелю, действующему в качестве общественной фигуры, чем просто по отношению к частному лицу».

Совет полагает необоснованной попытку адвоката П. распространить понятие «политический деятель» на судебного пристава, на которого возложена обязанность обеспечения пропускного режима в здание подразделения ФССП. При этом адвокат П. не учитывает позицию ЕСПЧ в приведённом им деле о том, что спорное выражение было применено в ходе дискуссии в качестве противовеса иным рассматриваемым вариантам, а также о том, что критикуемое лицо само в значительной степени спровоцировало резкие выпады в свой адрес: «Г-н Хайдер четко осознавал, что данные слова носят провокационный характер и, впоследствии, могут вызвать острую реакцию». «…В данном случае использование этого слова кажется вполне пропорциональным тому негодованию, которое осознанно было вызвано г-ном Хайдером».

Одновременно Совет обращает внимание адвоката П., что в значительной части случаев, ставших предметом рассмотрения ЕСПЧ, Суд не высказывал одобрений использования

заявителями тех или иных высказываний, а указывал лишь на несоразмерность содеянного примененным санкциям (см., например, дело «Игорь Кабанов (Igor Kabanov) против Российской Федерации» (жалоба № 8921/05)).

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката П. опровергнутой, а его вину в нарушении положений п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии») и п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан… придерживаться манеры поведения… соответствующих деловому общению») установленной.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвокату П. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что он впервые совершил дисциплинарное нарушение, не повлекшее тяжких последствий. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату П. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованиям соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренным п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», пп. 1 п. 6 ст. 18, пп. 1 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

р е ш и л:

Применить к адвокату П. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за нарушение положений п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии») и п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан… придерживаться манеры поведения… соответствующих деловому общению»), выразившемся во включении им в письменное обращение от 27 ноября 2018 года, направленное в электронную приемную ФССП России, следующих слов и выражений, умаляющих честь и достоинство сотрудников Подольского районного отдела судебных приставов УФССП по Московской области:

(1) «на проходной указанного отдела находился олигофрен (в стадии дебильности) в форменной одежде ФССП со знаками различия, напоминающими знаки различия старшего лейтенанта…»;

(2) «я разъяснил указанному олигофрену, что направляюсь на прием к судебному приставу Ф., и предъявил удостоверение адвоката № …, выданное 15.10.2015 ГУ Минюста России по Москве на мое имя»;

(3) «на разъяснения олигофрен реагировал неадекватно …»;

(4) «поняв, что разговаривать с олигофреном бессмысленно, т.к. русского языка он не понимает и законодательства не знает, я со своего мобильного телефона позвонил непосредственно приставу Ф…»;

(5) «в то же время, очевидно, что вышеизложенную ересь олигофрен выдумал не сам, а его научил какой-то имбецил»;

(6) «прошу дать правовую оценку действиям олигофрена, сидевшего на проходной и слишком много умничавшего…».